

«КТО ТАКОЙ АНДРЕЙ РУБАНОВ – Я НЕ ЗНАЮ» 3

Интервью
с Андреем Рубановым

ЗАВТРАК
НА ТРАВЕ
С ТРУПОМ
17

СТИВЕН КИНГ
О БЫТЕ
ПРИВИДЕНИЙ
23

#18
(2288)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ОТ БОЛЬШОЙ
ЛЮБВИ
К АСТРОЛОГИИ

философский абсурд
Амели Нотомб

7 ОПЕРА И
РЖАНЬЕ
ЛОШАДИНОЕ

XVIII век
глазами Бориса Евсеева

8 ТАЙНА
НЕТРИВИАЛЬНЫХ
НУЛЕЙ

Джон Дербишир знакомит
с Гипотезой Римана

НОВОСТИ

Чудо-сад

В течение двух дней, с 3 по 4 сентября, центр Москвы будет напоминать один большой книжный развал под открытым небом. В эти дни в саду «Эрмитаж» пройдет Фестиваль живой литературы, или книжный мультимедийный фестиваль BookMarket. Литература, музыка, кино, театр, искусство, образование, — все это будет представлено на одной, но зато бесконечно длинной Книжной Полке, которая, по задумке авторов проекта, должна превратить дорожки сада в книжные ряды. Причем такие, в которых будет приятно заблудиться людям самых разных культурных интересов: ценителям антикварных изданий и любителям электронных ридеров, тем, кто предпочитает аудиокниги, и всегдашним букинистическим магазинам. Организаторы — Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и компания bit17 — мечтают сделать грядущее событие ежегодным. В BookMarket примут участие около 30 книжных магазинов со всей страны, среди которых «Новый книжный», «Гумбольдт и Гумбольдт», «Фаланстер», стоковый магазин «Книжная барахолка», «Порядок слов» (Санкт-Петербург), «Лавочка детских книг». А «Книгабайт» представит тачскрины с полками виртуальных книг, каждую из которых несколькими прикосновениями можно выбрать, пролистать и скачать на свой электронный носитель. В программе фестиваля также выставки, театральные перформансы, «Пионерские чтения» с Андреем Колесниковым, Тиней Кандедаки, танцевально-литературные флэшмобы, видеопоззия с Андреем Родионовым, искусство виджеинга Андрея Айрапетова, набирающие по миру все большую популярность системы Print on Demand (печать по запросу), кинопоказы, концерты и большое количество мероприятий для детей, включая встречи с писателями, мастер-классы с иллюстраторами книг и показ диафильмов.

Привет с планеты «Кит»

Зоопарк историй Джанни Родари (стр. 20)

книжное обозрение
pro

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:

Наш колумнист Владимир Ленский о достижениях региональных издательств;
Издатели и торговцы о рынке комиксов и манги.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности — на стр. 14.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 23 августа с. г.

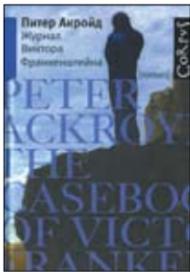

КНИГА НЕДЕЛИ

Мэри встречает монстра

«Франкенштейн» — родник неисчерпаемый. С этой притчей о неискоренимом желании перепрометей Прометея и дернуть Господа Бога за бороду, черных безднах творчества и вреднейшем нашем пристрастии к чудо-универсальным технологиям, которые спасут всех, ото всего и сразу, мы не устанем играть никогда. Вот и историк-интеллектуал Питер Акройд добавил свою пригоршню бисера.

Акройд есть Акройд, и не владеющим матчастью за «Журнал Виктора Франкенштейна» садиться бессмысленно. Это роман для тех, кто знает и любит позапрошлого столетие, причем любит творчески. В изящной альтернативной реальности Виктор Франкенштейн, не удовлетворившись университетом Ингольштадта, отправляется туда, где происходит все самое новое и интересное в области естественных наук, — в Англию. А там его ожидает знакомство с харизматичным, хоть и не особо знаменитым стихотворцем Перси Биши Шелли, который в порыве

Акройд П.
Журнал Виктора Франкенштейна / Пер. с англ. А. Асланян.
М.: Астрель, Сторис, 2010. — 480 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-271-27917-1

экзальтированных мечтаний и заронит в душу швейцарского ученого злосчастную идею электричества как вселенской жизнедающей силы. И Гарриет, первая супруга поэта, умрет вовсе не так, как описывают это биографы Шелли из нашего измерения. И ужасное лицо, которое увидит за окном Мэри Шелли, будет вовсе не плодом воображения начитанной девушки. Сложно сказать, за чем тут следить интереснее — за тем, как Акройд непринужденно, безо всякого постмодернистского кокетства перемешивает вроде бы реальность с вроде бы вымыслом, или за тем, как по всем законам садоводства растет, растет, вырастает и расцветает культурная «франкенштейновская тема», питаемая стихами Шелли, Байрона, Кольриджа, Вордсворта, пьесой «Скиталец Мельмот», интеллигентскими разговорами и общественно-политическими реалиями начала XIX века. Или просто за тем, как искусно вживается прозаик компьютерной эпохи в романтическую прозу с ее вершинами, безднами, бурями чувств и рукой, что свешивается из лодки и касается пальцами водной глади...

Мария Мельникова

Праздник в квадрате

ММКВЯ — конечно, праздник, спору нет. Но 23-я Выставка-ярмарка станет им в квадрате, потому что в ее рамках пройдет сразу несколько мероприятий, объединенных одним большим событием под названием «Праздник словаря». Это, во-первых, книжно-иллюстративная выставка «История и будущее словаря», которая расскажет о пути развития видов, форм и тематик словарей, а также об истории словарей разных стран. Во-вторых, научно-популярные лекции по языкознанию, которые проведут ведущие отечественные лингвисты и филологи: Максим Кронгауз, Алексей Шмелев, Юрий Апресян. Кроме того, гости выставки смогут принять участие в интерактивных викторинах. Организованный культурно-просветительской программой «Словари XXI века», Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы, Музеем В.И. Даля и при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, «Праздник словаря» должен напомнить, насколько важна, с точки зрения формирования языка, культура работы со словарем.

Осень в Вене

Вена — это не только город музыки и балов. Столица Австрии — это место, где в конце октября вот уже три года подряд, с 21 по 24 число, проходит Международный Литературный фестиваль русскоязычных писателей. Он называется «Литературная Вена» и не является коммерческим, а задуман как форум, в котором могут принять участие, встретиться и пообщаться писатели разных стран, разных литературных школ и пристрастий, объединенные лишь языком как инструментом творчества. На Фестиваль приглашаются все, кто пишет на русском языке. В этом году гостями «Литературной Вены-2010» станут известные литераторы России, среди которых Альберт Лиханов, Игорь Иртеньев и Светлана Василенко, а также других стран, приглашенных Оргкомитетом, — победители и финалисты Международного литературного конкурса и представители издательств, литературных журналов и интернет-порталов. В программу мероприятий входят литературные чтения и «круглые столы», тренинги по литературному чтению и мастер-классы, экскурсии и многое другое. В фойе будет работать книжная ярмарка, а участники Фестиваля, по традиции, передадут свои книги в дар венской библиотеке.

Город литературы

Эксперты ЮНЕСКО приняли решение оказать высокую честь Дублину, даровав ему звание «Город литературы». Ранее такой чести удостоивались только три города: до этого «Городами литературы» становились Эдинбург (в 2004 году), Мельбурн и Айова-Сити (оба в 2008 году). Таким образом, столица Ирландии стала четвертым городом на планете, которому присвоен данный статус. Глава минкультуры Ирландии Мэри Ханафин уверена, что Дублин получил это звание по заслугам, поскольку «... имеет богатое литературное прошлое, энергично развивающуюся современную литературу, огромное количество фестивалей и туристических достопримечательностей», кроме того, там «родились и творили великие писатели». По мнению представителей ЮНЕСКО, критериями для присвоения титула «Город литературы» являются количество и качество редакций, издательских домов, библиотек, книжных магазинов и учебных заведений, опыт в проведении литературных фестивалей и других подобных мероприятий, «интеграция литературы в городскую среду», а также активное участие местных СМИ в литературной жизни.

Издания, отрецензированные в номере

Арслан А. Усадьба жаворонков	6	Корчевский Ю. Атаман. Княжий суд	10
Артемьев М. Как работает Америка	15	Ларьков С., Романенко Ф. «Враги народа» за полярным кругом	15
Блэк Э. Внутреннее сгорание	8	Лэйдлоу Р. Аттила, бич Божий	10
Бондарчук Н. Единственные дни	19	Несбе Ю. Снеговик	17
Веденская Т. Мужчины как дети	10	Нотомб А. Зимний путь	4
Воробьев А. Огненный след	10	Пехов А. Страж	16
Головин Е. Мифомания	10	Поэтическая мозаика: Избранное	15
Гурриаран Х. А. Армяне. Забытый геноцид	6	Рекшан В. Дорога до	15
Давыдов Д. Контексты и мифы	5	Родари Дж. Зоопарк историй	20
Дербишир Дж. Простая Одержимость	8	Семенов-Басин И. Святошь в русской православной культуре XX века	15
Дескотт Р. Обскура	17	Сербина О. Автомобильчик Тум	20
Дружникова В. Каждому Мастеру по Маргарите	7	Социальная история: Ежегодник. 2009	15
Дункан Э. Луис К. Тиффани: Собрание музея-сада	24	Столповская О. Куба либре	15
Дьяков А. Метро 2033: К свету	16	Сучкова Н. Лирический герой	9
Евсеев Б. Евстигней	7	Ташевский С. Post-beat diary	9
Император Александр I = старец Федор Кузьмич?	10	Ульман Л. Благословенное дитя	4
Исигуро К. Ноктюрны	4	Федоров М. «Громкие» дела писателей	5
Кольшевский А. Взятка	10	Чурилин Т. Стихи.	9
Коренева Е. Твари творчества	19	Широкоград А. Персия-Иран	10
		Якутская поэзия	15

Выбор редакции

1 Живут люди под одной крышей много лет, вместе завтракают, вместе ходят за покупками — обычные муж и жена. Но так получается, что каждый из них друг для друга на самом деле — большая загадка. Вот ее-то, старую тайну брака, и стремится раскрыть в своем первом романе проникательная американка Изабель Фонсека — между прочим, жена знаменитого британского писателя Мартина Эмиса.

Изабель Фонсека
Привязанность: Роман / Пер. с англ. Г. Яропольского.
Спб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 336 с.

2 Пугающее слово «гендер» рядом с невинными дамскими забавами, шляпками, платьями, туфельками — как эти вещи между собой связаны? Вот главная тема, которая поднимается в этой книге, где история костюма, которая начинается с Французской революции, а заканчивается нашими днями, лишь повод, чтобы поговорить об истории общества, движении эмансипации и «мужском вопросе».

Романовская М.
История костюма и гендерные сюжеты моды.
Спб.: Алетейя, 2010. — 442 с., 16 ил. — (Серия «Гендерные исследования»).

3 Нет, это не биография Александра Кабакова — это его малая проза: повести и рассказы, герои которых живут кто в Советском Союзе, кто в России, кто в Москве, а кто в далеком областном центре. А объединяет их под одной обложкой желание пробить стены и отправиться куда-нибудь — за любовью, счастьем или еще чем-нибудь этаким, фантастическим.

Александр Кабаков
Дом моделей: Повести, рассказы.
М.: АСТ, Астрель, 2010. — 347 с.

Лонг-лист Букера-2010

27 июля объявлен длинный список Man Booker Prize. Из 138 книг, изначально номинированных на премию, выбраны тринадцать:

Питер Кэри. «Пэррот и Оливье в Америке» («Parrot and Olivier in America»). — Кэри получил Букера уже дважды. Неужели и в третий раз дадут?

Эмма Донохью. «Комната» («Room»). — Ее дебют 1995 года получил премию (но не Букера) как лучший лесбийский роман.

Хелен Данмор. «Предательство» («The Betrayal»). — Прозаик и поэт, она получала литпремии во всех своих ипостасях.

Деймон Гэлгат. «В странной комнате» («In a Strange Room»). — Его «Добрый доктор» в свое время попадал в шорт-лист и Букера, и дублинской премии.

Говард Джейкобсон. «Вопрос Финклера» («The Finkler Question»). — Автора недавно назвали «британским Филипом Ротом».

Андреа Леви. «Долгая песня» («The Long Song»). — Ее «Маленький остров» собрал в 2005 году целый букет призов.

Том Маккарти. «С» («C»). — Это его первый успех.

Дэвид Митчелл. «Тысяча осеней Якоба де Зоета» («The Thousand Autumns of Jacob de Zoet»). — За «Облачный атлас» Митчелл когда-то был назван «лучшим молодым британским писателем».

Лиза Мур. «Февраль» («February»). — Раньше автор номинировалась лишь на незначительные премии. И ничего не получала.

Пол Муррей. «Скиппи умер» («Skippy Dies»). — Второй его роман. Первый получил Whitbread Prize.

Роуз Тремейн. «Нарушение границ» («Trespass»). — «Темная лошадка» списка.

Кристин Циолкас. «Пощечина» («The Slap»). — Малоизвестный и не слишком популярный автор даже в самой Британии. Непонятно, как оказался в списке.

Алан Уорнер. «Звезды в сияющем небе» («The Stars in the Bright Sky»). — Предыдущие книги получали второстепенные премии.

Приятные хлопоты

Россия объявлена Почетным гостем на VI Киевской книжной ярмарке 18–21 августа 2010 года. Организаторы — Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Международная ассоциация «Живая классика» и «Экспо-пресс» при поддержке Посольства России, «Фонда гуманитарного сотрудничества» в Украине и др. На российском стенде будут представлены экспозиции, посвященные 65-летию Победы, юбилеям Чехова, Блока, Бродского, современной русской литературе и искусству, учебным и детским книгам. Посетителей ждут интерактивная выставка по произведению Николая Гоголя петербургского театрального художника Виктора Григорьева, встречи с известными писателями; для издателей будут проведены «круглые столы» по проблемам авторского права в области цифровых изданий, электронных библиотек и о перспективах развития детской литературы в России и Украине.

«Я хотел бы прочитать книгу Брюса Ли»

Беседовал
Роман Масленников

Андрей Рубанов — современный писатель, автор ярких книг-событий: «Сажайте, и вырастет» (2005), «Великая мечта» (2007), «Жизнь удалась» (2008), «Готовься к войне!» (2009), «Хлорофилия» (2009) и «Йод» (2010). Номинант ряда уважаемых книжных премий. Роман «Хлорофилия» вошел в шорт-листы «Большой книги» и АБС (премия братьев Стругацких). Работал в Чеченской Республике, в аппарате мэрии Грозного, был пресс-секретарем первого заместителя полномочного представителя Правительства РФ Бислана Гантамирова.

— Детский вопрос: «Кто вы?» Как бы вы себя определили? Писатель или бизнесмен, например?

— Я не бизнесмен. Я плохой бизнесмен. Я авантюрист, наверное, или игрок. Я никогда одним словом не пытался описать себя. Кто такой Андрей Рубанов — я не знаю.

— Звания писателя не фигурирует в этом списке?

— У писателей не принято себя называть «писателями». Все равно что назвать себя красавцем. Это Сергея Довлатова слова. И, между нами говоря, этого принято стыдиться. О своем сочинительстве я помалкиваю. Предпочитаю находиться среди тех, кто не знает, что я делаю. Я и сам до конца не могу воспринимать себя писателем, потому что слишком мало этим зарабатываю. Наверное, каждому сочинителю хотелось бы поселиться в домике у моря и только писать. Есть такая мечта. Но важно чем-то в это время подпитываться, вокруг что-то должно происходить... Если вы засядете возле моря — однажды вам будет не о чем писать. И вы превратитесь просто в высасывателя из пальца. Таких полно — диванных сочинителей.

— Как взялись за перо?

— Сочинительство — это был мой «план Б». В 91-м году я восстановился в университете после армии, год проучился — и ушел, потому что за мои статьи нигде ничего не платили. Это очень било по самолюбию, нищета везде, в том числе — в журналистике... Все вдруг обнаружили, что бедны. Я зарабатывал на стройке 130 рублей, а джинсы стоили триста. Потом друзья позвали меня делать бизнес, который нельзя было отличить от криминала... Или наоборот — это был криминал, который сейчас называется бизнесом... Я богател довольно быстро, но в 96-м году попал в следственную тюрьму. Вот так 90-е для меня и прошли.

— А «План Б» когда созрел?

— В 14 лет. Я рано понял, кем хочу быть. Поступил на журфак МГУ именно с этой целью. Тогда, если ты хотел быть писателем, ты шел или на журфак или на филфак. Есть еще такое место, как Литературный институт, но я никогда там не был. Там учат писателей, люди выпускаются с дипломом, где написано «поэт» или «писатель»... — Ну, не кошмар, оттуда масса прекрасных людей вышла, насколько я знаю. Пелевин там в свое время учился. И Роман Сенчин — выходец из Литинститута.

— Расскажите все-таки о подготовке к писательству, пожалуйста.

— В 14 лет я начал писать. Писал много. Были ученические подражательные вещи, фантастику какую-то делал... Потом началась перестройка, я отслужил в армии, вернулся — и увидел, что страны, в которой я вырос, больше нет. Сейчас я понимаю, что пережил момент ярости. Ненависти к миру. Дело даже не во мне лично, а в родителях моих, потому что они нормально жили, работали в школе — и вдруг оказались нищими. Ничего не изменилось, а цены выросли в 10 раз. Я из семьи сельских учителей. И дед, и бабка — все были учителя. Все в одной школе, в деревне Узуново, это самый юг Московской области. Я деревенский паренек — в г. Электросталь переехали, когда я уже в седьмой класс пошел. Внук директора школы, сын учителей — вся школа была в моем распоряжении. Это «совдеповское» детство — было счастливым, солнечным.

И вот этот счастливый паренек вернулся из армии — а вокруг все другое. Система казалась мне железобетонной, вечной, и вдруг она осыпалась прямо на моих глазах. Я смотрю вокруг и думаю: ладно, я писатель, но о чем писать? Вокруг такие дела творятся, целый новый мир возникает из ничего, на моих глазах зарабатываются миллионы... Восемь лет, с 91-го по 99-й, я практически ничего не писал. Вернулся к сочинительству только после тюрьмы. Решил — ну ладно, олигархом не стал, стану литератором...

— Сколько вас в каждом из героев ваших книг? К 100% приближается?

— Следует отличать автора от героя. Герой — это отдельный от меня человек, я, соответственно, с ним что хочу, то и делаю. Если говорить об автобиографичности, то меня в них — на 9/10.

— Всегда ли успешна автобиографичность в литературе?

— Мои книги никогда не были успешными. То есть, они продаются, и неплохо, но ни одна из них бестселлером не стала. Видимо, слишком жесткие. Как и в любом другом бизнесе, на литературном рынке нет среднего слоя. Либо ты 150 000 экземпляров продаешь, либо 5 000—10 000. Бывают исключения, например, Захар Прилепин. «Надо писать либо о том, что хорошо знаешь, либо о том, о чем вообще ничего не знаешь», — это Стругацкие сказали. В начале нулевых, когда я начал активно интересоваться книгами, я обнаружил, что мне

ничего читать. Автобиографов не было, реалистов не было. Был Пелевин модный. И все. А я хотел почитать — «про себя». Вы идете в книжный магазин, чтобы о себе почитать. Вы хотите знать, что вы не один — тогда не так страшно жить.

— Что для вас успех? В жизни, в писательстве?

— Я этими категориями не мыслю. В «Записках из мертвого дома» Достоевский описал такой случай. Два уголовника бежали с каторги, и каторжане все обрадовались: «Сбежали!» Потом беглецов вернули в острог. И весь острог приуныл. И Достоевский пишет: «Успех так важен меж людьми...» С точки зрения обывателя, успешный человек, конечно, интереснее, нежели неуспешный.

— А что для вас деньги?

— Деньги — овеществленная энергия человечества, достаточно общепринятый термин. Наверно, это необходимое условие для жизни. Это когда близкий родственник заболел, и надо его лечить. И вот тогда нужны деньги. Вот что-то не дай бог произойдет, а денег нет.

Если страна погрузилась в деньги, значит, надо деньги приручать к себе. Или себя приручать к деньгам.

— Кто ваш читатель? Как вы его видите?

— Больше всего мои книги нравятся людям думающим, от 30-ти до 40 лет, неравнодушным. Женщины — в меньшей степени. Молодежи — в меньшей степени, молодежь не понимает, она по большей части инфантильна и наивна. Старики тоже читают. В общем, разные люди, но в основном взрослые. Вот, «Сажайте, и вырастет» я написал для себя 17—18-летнего. Если бы я такую книгу в свое время прочитал, она бы мне очень пригодилась.

— Будет ли когда-нибудь написана методичка с технологиями информационной борьбы, которую вы вскользь упомянули в книге «Йод»?

— Я вряд ли что-то добавлю к тому, что уже известно. Я всему научился у Лебона, автора «Психологии народов и масс». Потом еще всяких учебников набрал, по пиару. И все это работало. Когда я говорил политику: «Громче крикни, что ты победил, и все будут думать, что ты победил», — это работало. Любый пиар и любая реклама — это манипуляция, а манипуляция — это насилие. Сейчас, когда я вижу рекламу: «Одни открывают дверь, а другие — пиво», — это насилие над сознанием. Нельзя, чтобы алкоголь имел положительные коннотации, ассоциировался со свободой, с движе-

нием!

Я ехал в Грозный, чтобы в Москве пиарить администрацию Гантамирова. Но когда я туда приехал, испытал потрясение. Я не увидел ни одной листовки пророссийской, профедеральной. Информационная война не велась. Там не было газет. Одна газета, «Грозненский рабочий», издавалась в соседней Ингушетии энтузиастами. И было несколько телестудий, местных. Я видел информационный голод, когда люди ночью ползли по каналам, чтобы новости по телевизору посмотреть.

— Какой еще опыт, кроме тюрьмы, может быть сугубо отрицательным, и стоит ли вообще о таком опыте писать, тем самым его популяризируя?

— Тюремная моя книжечка не есть отрицательный опыт, это история о человеке, каким он может быть. Я писал не о тюрьме, а о том, что человек может делать с собой. Шаламов считал, что лагерный опыт не нужен. Любый опыт нужен, но тут надо понимать, что можно прожить жизнь достойно и счастливо и не иметь этого опыта, он необязателен и нежелателен. Но если это в нашей жизни есть, то оно в любом случае будет и в искусстве. Я очень переживал, мне казалось, что книжка моя страшно тяжелая, невыносимая. Но писал я гимн о человеке, а не о тюрьме.

— А ваш любимый философ — кто?

— Ницше. А из русских — наверное, Ильин и Лосев. Гегеля очень люблю, но в него надо с головой уходить. Это же про него говорят: те места, которые в Гегеле никто не понимает, сам Гегель тоже не понимал. Его «Философия права» сильно повлияла на меня. Гегель писал, что свободы на самом деле не существует, потому что ты выбираешь из того, что есть, из предложенного, из конечного содержания. Это я по памяти цитирую. А «для проветривания мозгов» Ницше годится лучше прочих, он очень освежает.

— Чью книгу вы хотели бы прочесть?

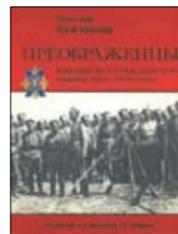
— Те, кого бы я хотел почитать, либо уже написали книги, либо пытались. Если говорить о людях искусства, то я преклоняюсь перед Высоцким, Цоем. А из общемировой культуры — надо подумать. Все написали свои книги, даже если они не на бумаге существуют. Из моих современников я никого не назову. Мне нравятся идолы, поп-культурные идолы, но они все написали. Леннон... Пресли, Майкл Джексон? — Нет... Брюс Ли! Вот это типичный идол, такой конкретный, настоящий. Его бы книгу я хотел прочитать.

4 Как изменится ход жизни, если вычеркнуть из него один день? Просто летний день, в который с кем-то познакомился и, кажется, влюбился. И еще день — тот же самый, но через год, и еще — через 10 лет, через 4 года, через 3. Дэвид Николс путешествует во времени, чтобы поделиться своими наблюдениями о людях, времени и любви.

Дэвид Николс.
Один день / Пер. с англ.
Ю. Змеевой.
М.: РИПОЛ классик, 2010. — 480 с.
— (Одиночество простых чисел).

5 При Петре I преобразенцы брали на бордаж шведские фрегаты, при Николае I стали «железной стеной» Русского Царства», выступили в поход на Первую мировую, сражались на фронтах Белого движения... Летопись рассказывает о последней странице истории самого первого полка русской Императорской гвардии.

Сергей Андоленко.
Преобразенцы в великую
и гражданскую войны
1914—1920 годы /
Составители:
А. Тизенгаузен,
С. Патрикеев.
Славия, СПб., 2010. — 363 с.

6 Итальянский беллетрист Джорджо Фалетти прославился, когда увидел свет его роман «Я убиваю». В новой книге Фалетти герой — физически и душевно изуродованный участник Вьетнамской войны — задумал отомстить человечеству за свою сломанную жизнь. Месть оказывается настолько эффективной, что весь Нью-Йорк замирает в ужасе.

Фалетти Дж.
Я — Господь Бог / Пер.
с ит. И. Константиновой.
М.: Corpus, Астрель, 2010. — 544 с.

7 «Занавес» — литературно-философское эссе. Милан Кундера размышляет о закономерностях романа, о его взаимоотношениях с историей; создает основополагающий курс искусства романа. Эссе, подобно музыкальной партитуре, состоит из семи частей, каждая из которых содержит размышления о судьбах романа и его крупнейших творцов.

Кундера М.
Занавес / Пер. с фр.
А. Смирновой.
СПб.: Азбука-классика, 2010.
— 240 с.